Сказка о царе Салтане

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком.

«Кабы я была царица, —

Говорит одна девица, —

То на весь крещеный мир

Приготовила б я пир».

«Кабы я была царица, —

Говорит её сестрица, —

То на весь бы мир одна

Наткала я полотна».

«Кабы я была царица, —

Третья молвила сестрица, —

Я б для батюшки-царя

Родила богатыря».

Только вымолвить успела,

Дверь тихонько заскрыпела,

И в светлицу входит царь,

Стороны той государь.

Во всё время разговора

Он стоял позадь забора;

Речь последней по всему

Полюбилася ему.

«Здравствуй, красная девица, —

Говорит он, — будь царица

И роди богатыря

Мне к исходу сентября.

Вы ж, голубушки-сестрицы,

Выбирайтесь из светлицы,

Поезжайте вслед за мной,

Вслед за мной и за сестрой:

Будь одна из вас ткачиха,

А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.

Все пустились во дворец.

Царь недолго собирался:

В тот же вечер обвенчался.

Царь Салтан за пир честной

Сел с царицей молодой;

А потом честные гости

На кровать слоновой кости

Положили молодых

И оставили одних.

В кухне злится повариха,

Плачет у станка ткачиха,

И завидуют оне

Государевой жене.

А царица молодая,

Дела вдаль не отлагая,

С первой ночи понесла.

В те поры война была.

Царь Салтан, с женой простяся,

На добра-коня садяся,

Ей наказывал себя

Поберечь, его любя.

Между тем, как он далёко

Бьётся долго и жестоко,

Наступает срок родин;

Сына бог им дал в аршин,

И царица над ребёнком

Как орлица над орлёнком;

Шлёт с письмом она гонца,

Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Извести её хотят,

Перенять гонца велят;

Сами шлют гонца другого

Вот с чем от слова до слова:

«Родила царица в ночь

Не то сына, не то дочь;

Не мышонка, не лягушку,

А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,

Что донес ему гонец,

В гневе начал он чудесить

И гонца хотел повесить;

Но, смягчившись на сей раз,

Дал гонцу такой приказ:

«Ждать царёва возвращенья

Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,

И приехал наконец.

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Обобрать его велят;

Допьяна гонца поят

И в суму его пустую

Суют грамоту другую —

И привёз гонец хмельной

В тот же день приказ такой:

«Царь велит своим боярам,

Времени не тратя даром,

И царицу и приплод

Тайно бросить в бездну вод».

Делать нечего: бояре,

Потужив о государе

И царице молодой,

В спальню к ней пришли толпой.

Объявили царску волю —

Ей и сыну злую долю,

Прочитали вслух указ,

И царицу в тот же час

В бочку с сыном посадили,

Засмолили, покатили

И пустили в Окиян —

Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звёзды блещут,

В синем море волны хлещут;

Туча по небу идет,

Бочка по морю плывет.

Словно горькая вдовица,

Плачет, бьётся в ней царица;

И растет ребёнок там

Не по дням, а по часам.

День прошёл, царица вопит…

А дитя волну торопит:

«Ты, волна моя, волна!

Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,

Ты морские камни точишь,

Топишь берег ты земли,

Подымаешь корабли —

Не губи ты нашу душу:

Выплесни ты нас на сушу!»

И послушалась волна:

Тут же на берег она

Бочку вынесла легонько

И отхлынула тихонько.

Мать с младенцем спасена;

Землю чувствует она.

Но из бочки кто их вынет?

Бог неужто их покинет?

Сын на ножки поднялся,

В дно головкой уперся,

Понатужился немножко:

«Как бы здесь на двор окошко

Нам проделать?» — молвил он,

Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;

Видят холм в широком поле,

Море синее кругом,

Дуб зеленый над холмом.

Сын подумал: добрый ужин

Был бы нам, однако, нужен.

Ломит он у дуба сук

И в тугой сгибает лук,

Со креста снурок шелковый

Натянул на лук дубовый,

Тонку тросточку сломил,

Стрелкой легкой завострил

И пошёл на край долины

У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,

Вот и слышит будто стон…

Видно на море не тихо;

Смотрит — видит дело лихо:

Бьётся лебедь средь зыбей,

Коршун носится над ней;

Та бедняжка так и плещет,

Воду вкруг мутит и хлещет…

Тот уж когти распустил,

Клёв кровавый навострил…

Но как раз стрела запела,

В шею коршуна задела —

Коршун в море кровь пролил,

Лук царевич опустил;

Смотрит: коршун в море тонет

И не птичьим криком стонет,

Лебедь около плывет,

Злого коршуна клюет,

Гибель близкую торопит,

Бьёт крылом и в море топит —

И царевичу потом

Молвит русским языком:

«Ты, царевич, мой спаситель,

Мой могучий избавитель,

Не тужи, что за меня

Есть не будешь ты три дня,

Что стрела пропала в море;

Это горе — всё не горе.

Отплачу тебе добром,

Сослужу тебе потом:

Ты не лебедь ведь избавил,

Девицу в живых оставил;

Ты не коршуна убил,

Чародея подстрелил.

Ввек тебя я не забуду:

Ты найдешь меня повсюду,

А теперь ты воротись,

Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,

А царевич и царица,

Целый день проведши так,

Лечь решились на тощак.

Вот открыл царевич очи;

Отрясая грёзы ночи

И дивясь, перед собой

Видит город он большой,

Стены с частыми зубцами,

И за белыми стенами

Блещут маковки церквей

И святых монастырей.

Он скорей царицу будит;

Та как ахнет!.. «То ли будет? —

Говорит он, — вижу я:

Лебедь тешится моя».

Мать и сын идут ко граду.

Лишь ступили за ограду,

Оглушительный трезвон

Поднялся со всех сторон:

К ним народ навстречу валит,

Хор церковный бога хвалит;

В колымагах золотых

Пышный двор встречает их;

Все их громко величают

И царевича венчают

Княжей шапкой, и главой

Возглашают над собой;

И среди своей столицы,

С разрешения царицы,

В тот же день стал княжить он

И нарёкся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах.

Корабельщики дивятся,

На кораблике толпятся,

На знакомом острову

Чудо видят наяву:

Город новый златоглавый,

Пристань с крепкою заставой;

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовёт их в гости,

Их он кормит и поит

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведёте

И куда теперь плывёте?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,

Торговали соболями,

Чернобурыми лисами;

А теперь нам вышел срок,

Едем прямо на восток,

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана…»

Князь им вымолвил тогда:

«Добрый путь вам, господа,

По морю по Окияну

К славному царю Салтану;

От меня ему поклон».

Гости в путь, а князь Гвидон

С берега душой печальной

Провожает бег их дальный;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь печально отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает,

Одолела молодца:

Видеть я б хотел отца».

Лебедь князю: «Вот в чём горе!

Ну, послушай: хочешь в море

Полететь за кораблем?

Будь же, князь, ты комаром».

И крылами замахала,

Воду с шумом расплескала

И обрызгала его

С головы до ног всего.

Тут он в точку уменьшился,

Комаром оборотился,

Полетел и запищал,

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,

К царству славного Салтана,

И желанная страна

Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости;

Царь Салтан зовёт их в гости,

И за ними во дворец

Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце

С грустной думой на лице;

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидят

И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житьё не худо,

В свете ж вот какое чудо:

В море остров был крутой,

Не привальный, не жилой;

Он лежал пустой равниной;

Рос на нем дубок единый;

А теперь стоит на нем

Новый город со дворцом,

С златоглавыми церквами,

С теремами и садами,

А сидит в нем князь Гвидон;

Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду;

Молвит он: «Коль жив я буду,

Чудный остров навещу,

У Гвидона погощу».

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят его пустить

Чудный остров навестить.

«Уж диковинка, ну право, —

Подмигнув другим лукаво,

Повариха говорит, —

Город у моря стоит!

Знайте, вот что не безделка:

Ель в лесу, под елью белка,

Белка песенки поёт

И орешки всё грызёт,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Вот что чудом-то зовут».

Чуду царь Салтан дивится,

А комар-то злится, злится —

И впился комар как раз

Тетке прямо в правый глаз.

Повариха побледнела,

Обмерла и окривела.

Слуги, сватья и сестра

С криком ловят комара.

«Распроклятая ты мошка!

Мы тебя!..» А он в окошко,

Да спокойно в свой удел

Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывёт.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает;

Чудо чудное завесть

Мне б хотелось. Где-то есть

Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка —

Белка песенки поёт,

Да орешки всё грызёт,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Но, быть может, люди врут».

Князю лебедь отвечает:

«Свет о белке правду бает;

Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,

Не печалься; рада службу

Оказать тебе я в дружбу».

С ободрённою душой

Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —

Что ж? под ёлкою высокой,

Видит, белочка при всех

Золотой грызет орех,

Изумрудец вынимает,

А скорлупку собирает,

Кучки равные кладёт

И с присвисточкой поёт

При честном при всём народе:

Во саду ли, в огороде.

Изумился князь Гвидон.

«Ну, спасибо, — молвил он, —

Ай да лебедь — дай ей боже,

Что и мне, веселье то же».

Князь для белочки потом

Выстроил хрустальный дом,

Караул к нему приставил

И притом дьяка заставил

Строгий счёт орехам весть.

Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На поднятых парусах

Мимо острова крутого,

Мимо города большого:

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовёт их в гости,

Их и кормит и поит

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведёте

И куда теперь плывёте?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,

Торговали мы конями,

Всё донскими жеребцами,

А теперь нам вышел срок —

И лежит нам путь далёк:

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана…»

Говорит им князь тогда:

«Добрый путь вам, господа,

По морю по Окияну

К славному царю Салтану;

Да скажите: князь Гвидон

Шлёт царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,

Вышли вон и в путь пустились.

К морю князь — а лебедь там

Уж гуляет по волнам.

Молит князь: душа-де просит,

Так и тянет и уносит…

Вот опять она его

Вмиг обрызгала всего:

В муху князь оборотился,

Полетел и опустился

Между моря и небес

На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана —

И желанная страна

Вот уж издали видна;

Вот на берег вышли гости;

Царь Салтан зовёт их в гости,

И за ними во дворец

Полетел наш удалец.

Видит: весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце,

С грустной думой на лице.

А ткачиха с Бабарихой

Да с кривою поварихой

Около царя сидят,

Злыми жабами глядят.

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем, иль худо,

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житьё не худо;

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит

С златоглавыми церквами,

С теремами да садами;

Ель растет перед дворцом,

А под ней хрустальный дом;

Белка там живет ручная,

Да затейница какая!

Белка песенки поёт,

Да орешки всё грызёт,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Слуги белку стерегут,

Служат ей прислугой разной —

И приставлен дьяк приказный

Строгий счет орехам весть;

Отдает ей войско честь;

Из скорлупок льют монету,

Да пускают в ход по свету;

Девки сыплют изумруд

В кладовые, да под спуд;

Все в том острове богаты,

Изоб нет, везде палаты;

А сидит в нем князь Гвидон;

Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду.

«Если только жив я буду,

Чудный остров навещу,

У Гвидона погощу».

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят его пустить

Чудный остров навестить.

Усмехнувшись исподтиха,

Говорит царю ткачиха:

«Что тут дивного? ну, вот!

Белка камушки грызёт,

Мечет золото и в груды

Загребает изумруды;

Этим нас не удивишь,

Правду ль, нет ли говоришь.

В свете есть иное диво:

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Разольётся в шумном беге,

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы удалые,

Великаны молодые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор.

Это диво, так уж диво,

Можно молвить справедливо!»

Гости умные молчат,

Спорить с нею не хотят.

Диву царь Салтан дивится,

А Гвидон-то злится, злится…

Зажужжал он и как раз

Тётке сел на левый глаз,

И ткачиха побледнела:

«Ай!» и тут же окривела;

Все кричат: «Лови, лови,

Да дави её, дави…

Вот ужо! постой немножко,

Погоди…» А князь в окошко,

Да спокойно в свой удел

Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывёт.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает —

Диво б дивное хотел

Перенесть я в мой удел».

«А какое ж это диво?»

— Где-то вздуется бурливо

Окиян, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Расплеснется в шумном беге,

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор.

Князю лебедь отвечает:

«Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.

Не печалься же, ступай,

В гости братцев поджидай».

Князь пошёл, забывши горе,

Сел на башню, и на море

Стал глядеть он; море вдруг

Всколыхалося вокруг,

Расплескалось в шумном беге

И оставило на бреге

Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,

И, блистая сединами,

Дядька впереди идёт

И ко граду их ведёт.

С башни князь Гвидон сбегает,

Дорогих гостей встречает;

Второпях народ бежит;

Дядька князю говорит:

«Лебедь нас к тебе послала

И наказом наказала

Славный город твой хранить

И дозором обходить.

Мы отныне ежеденно

Вместе будем непременно

У высоких стен твоих

Выходить из вод морских,

Так увидимся мы вскоре,

А теперь пора нам в море;

Тяжек воздух нам земли».

Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На поднятых парусах

Мимо острова крутого,

Мимо города большого;

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости.

Князь Гвидон зовёт их в гости,

Их и кормит и поит

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведёте?

И куда теперь плывёте?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

Торговали мы булатом,

Чистым серебром и златом,

И теперь нам вышел срок;

А лежит нам путь далёк,

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана».

Говорит им князь тогда:

«Добрый путь вам, господа,

По морю по Окияну

К славному царю Салтану.

Да скажите ж: князь Гвидон

Шлёт-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,

Вышли вон и в путь пустились.

К морю князь, а лебедь там

Уж гуляет по волнам.

Князь опять: душа-де просит…

Так и тянет и уносит…

И опять она его

Вмиг обрызгала всего.

Тут он очень уменьшился,

Шмелем князь оборотился,

Полетел и зажужжал;

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана,

И желанная страна

Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости.

Царь Салтан зовёт их в гости,

И за ними во дворец

Полетел наш удалец.

Видит, весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате

На престоле и в венце,

С грустной думой на лице.

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидят —

Четырьмя все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житьё не худо;

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит,

Каждый день идёт там диво:

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Расплеснется в скором беге —

И останутся на бреге

Тридцать три богатыря,

В чешуе златой горя,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны, как на подбор;

Старый дядька Черномор

С ними из моря выходит

И попарно их выводит,

Чтобы остров тот хранить

И дозором обходить —

И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней.

А сидит там князь Гвидон;

Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду.

«Коли жив я только буду,

Чудный остров навещу

И у князя погощу».

Повариха и ткачиха

Ни гугу — но Бабариха

Усмехнувшись говорит:

«Кто нас этим удивит?

Люди из моря выходят

И себе дозором бродят!

Правду ль бают, или лгут,

Дива я не вижу тут.

В свете есть такие ль дива?

Вот идет молва правдива:

За морем царевна есть,

Что не можно глаз отвесть:

Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает,

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выплывает, будто пава;

А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.

Молвить можно справедливо,

Это диво, так уж диво».

Гости умные молчат:

Спорить с бабой не хотят.

Чуду царь Салтан дивится —

А царевич хоть и злится,

Но жалеет он очей

Старой бабушки своей:

Он над ней жужжит, кружится —

Прямо на нос к ней садится,

Нос ужалил богатырь:

На носу вскочил волдырь.

И опять пошла тревога:

«Помогите, ради бога!

Караул! лови, лови,

Да дави его, дави…

Вот ужо! пожди немножко,

Погоди!..» А шмель в окошко,

Да спокойно в свой удел

Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод

Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает:

Люди женятся; гляжу,

Неженат лишь я хожу».

— А кого же на примете

Ты имеешь? — «Да на свете,

Говорят, царевна есть,

Что не можно глаз отвесть.

Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает —

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выступает, будто пава;

Сладку речь-то говорит,

Будто реченька журчит.

Только, полно, правда ль это?»

Князь со страхом ждёт ответа.

Лебедь белая молчит

И, подумав, говорит:

«Да! такая есть девица.

Но жена не рукавица:

С белой ручки не стряхнёшь,

Да за пояс не заткнёшь.

Услужу тебе советом —

Слушай: обо всем об этом

Пораздумай ты путём,

Не раскаяться б потом».

Князь пред нею стал божиться,

Что пора ему жениться,

Что об этом обо всём

Передумал он путём;

Что готов душою страстной

За царевною прекрасной

Он пешком идти отсель

Хоть за тридевять земель.

Лебедь тут, вздохнув глубоко,

Молвила: «Зачем далёко?

Знай, близка судьба твоя,

Ведь царевна эта — я».

Тут она, взмахнув крылами,

Полетела над волнами

И на берег с высоты

Опустилася в кусты,

Встрепенулась, отряхнулась

И царевной обернулась:

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит;

А сама-то величава,

Выступает, будто пава;

А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.

Князь царевну обнимает,

К белой груди прижимает

И ведёт её скорей

К милой матушке своей.

Князь ей в ноги, умоляя:

«Государыня-родная!

Выбрал я жену себе,

Дочь послушную тебе,

Просим оба разрешенья,

Твоего благословенья:

Ты детей благослови

Жить в совете и любви».

Над главою их покорной

Мать с иконой чудотворной

Слезы льёт и говорит:

«Бог вас, дети, наградит».

Князь не долго собирался,

На царевне обвенчался;

Стали жить да поживать,

Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах

Мимо острова крутого,

Мимо города большого;

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости.

Князь Гвидон зовёт их в гости,

Он их кормит и поит

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведёте

И куда теперь плывете?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,

Торговали мы недаром

Неуказанным товаром;

А лежит нам путь далек:

Восвояси на восток,

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана».

Князь им вымолвил тогда:

«Добрый путь вам, господа,

По морю по Окияну

К славному царю Салтану;

Да напомните ему,

Государю своему:

К нам он в гости обещался,

А доселе не собрался —

Шлю ему я свой поклон».

Гости в путь, а князь Гвидон

Дома на сей раз остался

И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна

К царству славного Салтана,

И знакомая страна

Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости.

Царь Салтан зовёт их в гости.

Гости видят: во дворце

Царь сидит в своем венце,

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидят,

Четырьмя все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;

За морем житьё не худо,

В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,

Град на острове стоит,

С златоглавыми церквами,

С теремами и садами;

Ель растет перед дворцом,

А под ней хрустальный дом;

Белка в нем живет ручная,

Да чудесница какая!

Белка песенки поёт

Да орешки всё грызёт;

А орешки не простые,

Скорлупы-то золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Белку холят, берегут.

Там ещё другое диво:

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Расплеснется в скором беге,

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы удалые,

Великаны молодые,

Все равны, как на подбор —

С ними дядька Черномор.

И той стражи нет надежней,

Ни храбрее, ни прилежней.

А у князя жёнка есть,

Что не можно глаз отвесть:

Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает;

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.

Князь Гвидон тот город правит,

Всяк его усердно славит;

Он прислал тебе поклон,

Да тебе пеняет он:

К нам-де в гости обещался,

А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,

Снарядить он флот велел.

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят царя пустить

Чудный остров навестить.

Но Салтан им не внимает

И как раз их унимает:

«Что я? царь или дитя? —

Говорит он не шутя: —

Нынче ж еду!» — Тут он топнул,

Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,

Молча на море глядит:

Не шумит оно, не хлещет,

Лишь едва, едва трепещет,

И в лазоревой дали

Показались корабли:

По равнинам Окияна

Едет флот царя Салтана.

Князь Гвидон тогда вскочил,

Громогласно возопил:

«Матушка моя родная!

Ты, княгиня молодая!

Посмотрите вы туда:

Едет батюшка сюда».

Флот уж к острову подходит.

Князь Гвидон трубу наводит:

Царь на палубе стоит

И в трубу на них глядит;

С ним ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой;

Удивляются оне

Незнакомой стороне.

Разом пушки запалили;

В колокольнях зазвонили;

К морю сам идет Гвидон;

Там царя встречает он

С поварихой и ткачихой,

С сватьей бабой Бабарихой;

В город он повёл царя,

Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:

У ворот блистают латы,

И стоят в глазах царя

Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор.

Царь ступил на двор широкой:

Там под ёлкою высокой

Белка песенку поёт,

Золотой орех грызёт,

Изумрудец вынимает

И в мешечек опускает;

И засеян двор большой

Золотою скорлупой.

Гости дале — торопливо

Смотрят — что ж? княгиня — диво:

Под косой луна блестит,

А во лбу звезда горит;

А сама-то величава,

Выступает, будто пава,

И свекровь свою ведёт.

Царь глядит — и узнаёт…

В нём взыграло ретивое!

«Что я вижу? что такое?

Как!» — и дух в нём занялся…

Царь слезами залился,

Обнимает он царицу,

И сынка, и молодицу,

И садятся все за стол;

И весёлый пир пошел.

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Разбежались по углам;

Их нашли насилу там.

Тут во всём они признались,

Повинились, разрыдались;

Царь для радости такой

Отпустил всех трёх домой.

День прошёл — царя Салтана

Уложили спать вполпьяна.

Я там был; мёд, пиво пил —

И усы лишь обмочил.